

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ НОСИТЕЛЯМИ
КОРЕЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ****Севрюкова Мария Викторовна**

студент, Российский Педагогический Университет им. А.И. Герцена, РФ, г. Санкт-Петербург

Железнякова Елена Алексеевна

научный руководитель, канд. пед. наук, доцент Российский Педагогический Университет им. А.И. Герцена, РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Актуальность темы связана с постоянно увеличением интереса России к Южной Корее и развитием русско-корейских отношений. В последнее десятилетие можно отметить заметную взаимоинтеграцию двух культур. На территории обоих государств появляется всё больше центров изучения истории, национальных традиций, обычаев и, конечно, языков.

Развитие экономических, политических и культурных связей России и Кореи, в первую очередь, повышением авторитета Республики Корея на международной арене и повсеместном распространении явления «корейской волны» (한류 – халлю).

Ключевые слова: Корея, Россия, русско-корейские отношения, культурная база, культурные связи, время, лингвокультура, концепт

В целях укрепления культурного обмена между двумя государствами необходимо повышать уровень культурной осведомленности, чему способствует изучение языков – русского и корейского соответственно. Для этого следует проанализировать языковую картину мира носителей корейского языка, рассмотрев отдельные аспекты, в частности, темпоральный, а затем – сравнить лексические средства репрезентации концепта «время» в обеих лингвокультурах, выявить сходства и различия между ними и включить категорию «время» в методическую разработку урока русского языка как иностранного для студентов из Южной Кореи.

Лингвокультурные особенности темпорального аспекта в корейской и русской языковой картине мира не были подробно рассмотрены в исследованиях, что дает широкое поле для изучения и возможности для анализа.

Целью научной работы являются компаративный анализ лексических единиц корейского и русского языков на основе концепта «время» (한 – щиган) для повышения уровня осведомленности о бытовом пласте языковой картины мира двух лингвокультур.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Форм интерпретации временной организации в каждой лингвокультуре огромное количество. Русская языковая картина мира не исключение. В параметрах выражения темпорального аспекта присутствует модус и относительного времени, и абсолютного.

Данный концепт вообще довольно неоднозначный и находится в зависимости от множества

факторов, в том числе географического – поскольку протяженность России в разы больше, чем Южной Кореи. В связи с этим, отношение ко времени в разных регионах и населенных пунктах разное.

Однако, как и в любой культуре, здесь присутствуют некие общие признаки, универсальные черты, характерные только для русской языковой картины мира.

В связи с обширностью материала остановимся более подробно на модусе относительного времени, а именно на субъективной сезонности – разном восприятии и делении суток в русской лингвокультуре. В последующих частях работы представленные и описанные здесь лексические единицы будут использоваться в сравнительном аспекте с корейскими лексемами, а затем – отобраны для урока русского как иностранного.

Деление суток на части в русской культуре и, соответственно, в русском языке не фиксированное, не содержит в себе строгих числовых границ, а примерное, приблизительное, меняющееся в зависимости от времени года и солнечного времени. Сами же суточные отрезки имеют размытые границы, восприятие их достаточно субъективно: у меня ещё утро, у соседа уже день [Тер-Минасова, 2001]. Отсутствие строгого деления временных границ отражается, например, в таких фразах, как *позвоните мне часов в 8* (а не в восемь часов) / *позвоните мне часа через 2* / *позвоните мне в районе восьми*. Как видим, временной диапазон довольно широкий.

Если конструировать общую модель светового дня в русской культуре, то выйдет следующее: *утро, день, вечер, ночь*.

При подобном делении задействовано всего четыре лексических единицы. Они являются основными и наиболее употребительными. По параметру света в сутках есть еще и время до темноты – *рус. сумерки* – перед мраком. Зачастую для обозначения перехода от первой половины дня ко второй используется слово *полдень* (то есть 12 часов дня).

Хотя суточные границы и весьма размыты (потому как они зависят от света-тьмы) в русской культуре, они, всё же, есть. Так, утро начинается в 4 часа и заканчивается примерно в 10–11 часов. День начинается примерно с 12 и заканчивается в 5–6 часов. Вечер, в свою очередь, занимает промежуток от 6 до 8–9 часов. Соответственно, понятие «русской ночи» включает в себя время от 9 часов и примерно до 3. Конечно, следует учитывать и субъективный фактор – у каждой личности суточное деление может варьироваться в зависимости от персонального режима дня. Это и есть относительный характер временной организации.

Необходимо помнить и о географическом факторе, а также о довольно большой протяженности России. Она расположена в одиннадцати часовых поясах. К примеру, в то время, как в Санкт-Петербурге наступает 10 часов утра, на острове Сахалин уже 6 часов вечера.

Невозможно не обратить внимание и на тот факт, что в зависимости от времени суток меняется форма приветствия. Поскольку световой день в России гораздо длиннее летом, чем зимой, мы говорим летом «*Добрый день*» и в 6, и в 7, и в 8 часов вечера и даже позже – вплоть до 10 часов – пока светит солнце. Зимой же, когда в 4 часа уже темно, зачастую мы слышим «*Добрый вечер*».

Из других параметров деления суток на части оправданным представляется наблюдение о том, что языковое обозначение времени суток связано в русской культуре – в особенности – с началом (утро) и концом (вечер) деятельности человека. В следующем пункте мы укажем на отношение к так называемым «рабочим часам» в корейской культуре.

Связь утра с идеей начала деятельности, а вечера с её концом проявляется в сочетаемости соответствующих слов русского языка. Мы говорим **рано утром, поздно вечером**, но никогда не употребим **рано днем, рано ночью**.

Следует упомянуть и о суточном счете часов в России. С 1706 года вслед за Европой в русской временной организации был введен суточный счет часов от 0 до 24 вместо существовавшего

до этого дневных и ночных часов. В настоящее время обе системы сосуществуют: рабочие часы, все официальные события и расписания исчисляются по первой системе (от 0 до 24). В повседневной жизни распространен раздельный счет. Это отражается и на языковом уровне: *в 6 часов вечера; в 2 часа дня*.

Теперь поговорим о корейском обществе и их культуре. Современный темпоральный аспект во многом базируется на американской концептуальной модели, поскольку со времен разделения Кореи на Южную (о которой ведется речь в настоящей работе) и Северную – то есть со второй половины XX века, Республика Корея испытывала и испытывает в настоящем времени сильное экономическое и культурное влияние со стороны Соединенных Штатов.

Согласно концепции Эдварда Холла о монохромных и полихромных культурах, Корея постепенно приобретает черты первой, отходя от старых традиций. Об этом пишет в своей статье Ёнок Ли, профессор университета Кен Хи в Сеуле [32]. Американский концепт пунктуальности и их предубеждения относительно *старости* (oldness) контрастирует с традиционным корейским концептом *неторопливости* (leisureliness) и его уважения и почитания старших.

Для Кореи в настоящее время представляет собой явление, на которое они обязаны непрерывно реагировать в реалиях современной жизни.

Отношение ко времени, как уже писалось выше, напрямую связано с культурой уважения и этикетом. Пунктуальность является базовым требованием для того, чтобы быть расцененным как надежный и уважаемый член общества (a respectful member of a given community).

Например, если южнокорейцы опаздывают на свидание или встречу, то они обязаны извиниться перед человеком, ждавшим их, в то время как в русской культуре к опозданиям относятся весьма толерантно и считают их преимущественно (здесь опять же нужно учитывать факт субъективной временной организации) допустимыми. Опоздание на важную встречу с клиентом или возможным покупателем может вызвать серьезные последствия: прекращение сотрудничества или шанса восстановить бизнес.

Таким образом, южнокорейцы скрупулезно и строго разделяют суточные часы. Причиной этого, кроме культурного влияния, является и сложившаяся исключительно в национальной культуре страны система (или даже концепт) образа жизни, которая тесно связана со временем. Ссылаясь на автора предыдущей статьи, назовём его «*ppali ppali*» (빨리 빨리). Транслируется на русский как «пали-пали» или – дословно – «*быстро-быстро*», «*торопись*».

Если корейцы пристально не следят за временем, пишет профессор Ёнок Ли, то они рискуют пропустить запланированный автобус, поезд или самолет. Для русской картины мира это может показаться лишь малым упущением, в то время как для жителей Кореи это серьезная ошибка, во многих случаях почти фатум, зачастую без права на исправление. Из сказанного можно сделать вывод, что суточное деление дня культуры Южной Кореи имеет четкие границы как с этической, прагматической, так и с лингвокультурологической стороны.

Влияние американской темпоральной модели на корейский быт в настоящий момент полномасштабно реализуется во фразе «*время – деньги*» (time is money). Чем больше человек следит за временем, тем больше работает и, как следствие, может заработать больше денег. Южнокорейцы стали забывать, что время не измеряется деньгами, поэтому цель в жизни превратилась в неизменный и изнуряющий труд (unremitted and painful labor) – пишет профессор Ли [32].

Здесь будет уместно сказать про так называемые «рабочие часы», о которых уже писалось в предыдущем пункте в контексте русской картины мира. Если в России рабочий день начинается утром и заканчивается вечером, в промежутке от 8 утра до 7 вечера, а количество рабочих часов в неделю составляет 40 часов, то в Корее такое понятие отсутствует совсем, хотя юридически с 2018 года количество рабочих часов сократилось с 58 до 52. Население Кореи трудится на 500 часов больше, чем жители Великобритании, и на 200 часов больше, чем американцы [Су Ким; 154].

Важным аспектом в контексте сравнения двух лингвокультур является форма приветствия в зависимости от периода светового дня. Так, если для русского языка характерно употреблять «Доброе утро» утром, «Добрый день» – днем и «Добрый вечер» – вечером, то в корейском языке традиционно таких понятий не существует. Их универсальной формой приветствия является фраза 안녕하세요 (аннёнхасеё), которая переводится не столько как «Здравствуйте», сколько «Как ваши дела?» / «Всё ли в порядке?». Это один из способов выражения уважительного отношения к собеседнику. Однако в последнее время, в связи с распространением такого явления, как конглиш^[1] всё чаще можно услышать – в неформальном диалоге – буквальные кальки с английского 안녕 아침 (чохын ачим), переводящееся как «Доброе утро», 안녕 저녁 (чохын чонёк) – «Добрый вечер», 안녕 오후 (чохын оху) – «Добрый день».

Ещё один аспект, который мы затронем в данном пункте, связан с «трихотомией психологической временной ориентацией» (Trichotomy of psychological time orientation) – подходом, автором которого является Эдвард Холл [Холл; 1959]. Он выделил три временных ориентации по отношению к их влиянию на коммуникацию: *психологическая, биологическая и культурная*. Психологическая временная ориентация разветвляется ещё на три: *культуры, ориентированные на прошлое, культуры, ориентированные на настоящее и культуры, ориентированные на будущее*.

Профессор Ли [32] относит современное корейское общество к последнему типу. Подтверждением тому являются родители, которые с раннего возраста детей жертвуют своей собственной жизнью и комфортом, потому как хотят обеспечить молодое поколение «счастливым» будущим [32].

Это уникальное явление: корейские отцы специально отправляют своих жен и детей за границу, в частности – в англоговорящие страны, оставаясь на родине и усердно работая, чтобы оказывать финансовую помощь. Мечтой отца, таким образом, становится возможность дать ребенку лучшее образование путем отказа от личного комфорта для будущего ребенка, которое приравнивается к будущему всей семьи. Отцов, которые жертвуют своей жизнью ради детей, называют «папа дикий гусь» (Wild Goose Dad), намекая на необыкновенную склонность диких гусей заботиться о своей семье. Более того, этот культурный феномен связан не только с ориентированностью корейцев на будущее, но и с приоритетом семейных достижений над индивидуальными.

Список литературы:

1. Аносова Л.А., Матвеева Т.С. Южная Корея: Взгляд из России. – М., 1994.
2. Касаткина И.Л. Корея: кратко о главном / Касаткина И.Л., Чун Ин Сун, Погадаева А.В. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 224 с.
3. Ким, Су. Как живут корейцы / Су Ким; пер. с англ. Д. Семенов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А. Введение в психолингвистику. – Барнаул, 1993.
6. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. - М.: Наука, 1988. - 216 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М, 2001.
8. NAVER English-Korean Dictionary <https://en.dict.naver.com/> - /main?sLn=en.
9. Young-Ok Lee. Perceptions of Time in Korean and English. Human Communication. A Publication of the Pacific and Asian Communication Association. Vol. 12, No. 1, pp.119-138.

^[1] *Конглиш (konglish) – не просто заимствования, а устоявшиеся слова и фразы, которые активно используются как в устной, так и в письменной корейской речи.